

A man and a woman are standing on a grand, ornate staircase in a luxurious, classical-style interior. The woman, on the left, is wearing a long, flowing, light blue gown with a deep backless design and intricate detailing on the bodice. She is looking towards the man. The man, on the right, is wearing a dark tuxedo with a white shirt and a dark bow tie. He has a mustache and is looking down. The staircase has a decorative wrought-iron railing. The background features high ceilings with arched doorways, columns, and warm, golden lighting. The overall atmosphere is elegant and sophisticated.

ТАТЬЯНА
НОВИКОВА

ОПАСНАЯ
БЛИЗОСТЬ

Татьяна Новикова

Опасная близость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69366289

SelfPub; 2023

Аннотация

Нас разделяет пропасть в двенадцать лет. Он не имел права заинтересоваться дочерью партнера по бизнесу. Но он это сделал. Он стал моим первым мужчиной. Нас разделяет однажды брошенная им фраза: «Я никогда тебя не любил». И я научилась жить без него. Почему же спустя три года он врывается в мою жизнь? Почему целует так, словно не может надыхаться? Наша близость губительна для нас обоих. Но я не могу отказаться от него.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Татьяна Новикова

Опасная близость

Глава 1

СЕЙЧАС

– Добрый день. Меня зовут Александра, и я готова принять ваш заказ, – произношу зазубренную фразу, не поднимая взгляда от блокнота.

– Добрый день, Александра, – отвечает мужской голос.

Плотный, вибрирующий. И внезапно моё сердце пропускает удар.

Потому что я помню этот голос, каждый его оттенок, малейшую интонацию. От испепеляющего гнева до запредельной нежности. Он пришел сюда поужинать, а я... я даже не узнала его сразу.

Он одет в белую рубашку, и рукава по обыкновению закатаны – так было и три года назад, – а верхняя пуговица растегнута. У него холодный взгляд и тонкие губы.

Мы знакомы. Мы настолько близко знакомы, что я знаю про родинку под сердцем. Помню, какая колючая щетина на щеках, и то, что он любит горькую туалетную воду.

Напротив него – миловидная блондинка в обтягивающем коротком платье.

– Я буду салат с теплым ростбифом и клюквенный лимонад, – щебечет спутница моего "призрака".

Медленно киваю. Голова словно ватная. Кажется, урони её вниз – и уже не сможешь поднять.

– А... вы? – обращаюсь сумбурно, позабыв всё, чему меня учили.

– Стейк слабой прожарки и черный кофе без сахара. Спасибо.

По правилам я должна предложить ему пирожное к кофе, но я-то знаю, что он ненавидит сладкое. Поэтому киваю отстранено и сбегая, пока весь ресторан не заметил, как краснеют мои щеки и как сильно молотит в груди.

Передаю заказ на кухню и несусь в туалет, смыть отчаяние и стыд от внезапной встречи.

Он ужинает с роскошной блондинкой, а я одета в белую блузку и брюки, которые делают мои ноги короткими и толстыми. Уставшая, замученная после восьми часов на ногах, с зачесанными назад волосами.

Где справедливость?!

– Я на секунду! – кричу напарнице-Дине. – Подмени меня, пожалуйста.

– Без проблем, – отвечает та.

Моё лицо горит, когда я обмываю его водой. Поднимаю голову и натываюсь на колючий взгляд черных глаз.

– Саша, – не спрашивает, а утверждает.

Он не может находиться здесь. Эта зона не для клиен-

тов – для персонала. Но он стоит напротив. Высокий, широкоплечий. Холодный. Отчужденный. Абсолютно равнодушный, как в последнюю нашу встречу.

– Здравствуй, – только вот смотрит на меня мучительно.

Я дергаю плечом, изображаю безразличие.

– Привет.

– Ты совсем не изменилась, – произносит он тихо.

А затем оказывается в опасной близости, и... его губы наносят мои.

Нас накрывает волной безумия. Нет сил думать трезво, здраво. Анализировать или решать. Мы на самом дне, в бездне, и нас несет всё дальше, вниз, где лишь черная всепоглощающая тьма.

Прочь от прекрасной блондинки, от долгой смены, от ресторана, из которого меня уволят, если узнают, что я вытворяю в туалете для персонала.

И разумом я понимаю, что должна прийти в себя. Очухаться. Вырваться из пленительных чар. Отказаться.

Но его губы горячи, а длинные поцелуи опаляют, лишают возможности дышать.

– Саш, ты в порядке? – в туалет стучится Дина. – Живот прихватило?

Она дергает за ручку, и моё наваждение, мой злой гений рукой прижимает дверь, мешая той открыться. Он отрывается от меня, но смотрит тяжело и жадно.

– Всё... всё хорошо, – еле совладав с голосом, отвечаю.

Ноги трясутся будто после многочасовой тренировки. Мне приходится привалиться к стене, потеряв опору в виде мужчины, что пахнет табаком и пороком.

– Скажи, чтобы она ушла, – шепчет мне на ухо.

– Дин, я скоро приду. Иди.

– Может, тебе нужна таблетка? Ты вся побледнела.

– Всё хорошо. Иди, – повторяю жестче и, когда цокот каблучков затихает вдали, говорю демону в облиии человека: – Ты тоже уходи.

Изгибает бровь. Насмешливо. Дерзко.

– Уверена?

– Да.

Уходи, как ушел однажды. Тебе не привыкать бросать меня, лишать равновесия своими словами и поступками. Уничтожать мир под моими ногами, обращая его в пепел.

Ты бросил меня и пропал на долгих три года. Потерялся в неизвестности, и я почти забыла о том, что твое дыхание пахнет кофейной горечью. Я научилась жить без тебя.

– Дина обслужит ваш столик, – добавляю зачем-то.

– А ты... – делает паузу, позволяя мне самой сказать.

– А я не готова. Мне опасно находиться с тобой наедине.

Я честна, и он – моё проклятие, моя главная ошибка – принимает этот ответ. Кивает отстраненно и покидает туалет так, словно ничего не произошло.

Я выхожу спустя несколько минут, убедившись, что на горизонте нет никого, хоть отдаленно похожего на человека из

моего прошлого. Трусливо выглядываю в зал: он сидит напротив блондинки, и та что-то рассказывает, увлеченно жестикулируя.

А я вспоминаю наши недолгие отношения, разрушительные для нас обоих. Между нами двенадцать лет разницы. Но его руки лежали на моих бедрах, и пальцы скользили по коже, поднимая платье. Его губы, жесткие, требовательные, знали самые чувствительные мои точки.

Его последние слова выжгли на мне ожог: «Нам не стоит больше видеться. Я никогда тебя не любил».

Я прошу Дину заменить меня и, сославшись на больной желудок, убегаю из ресторана.

А он остается.

Дьявол из прошлой жизни. Лучший – некогда – друг моего папы. Его партнер по бизнесу.

Человек, предавший доверие моей семьи ради встреч со мной.

Человек, предавший меня саму.

Мельников Богдан.

ТРИ ГОДА НАЗАД

Папа любил повторять, что в бизнесе, как и в любви, нужно сохранять трезвый рассудок. Страсть мимолетна, в ней легко захлебнуться. Он никогда и никому не доверял: ни в работе, ни в деньгах, ни в делах.

Мой папа мог показаться черствым чурбаном, но я-то зна-

ла, как сильно он любит маму, как готов положить горы к её ногам. Только с ней – и со мной – он был нежным и ласковым. Для всех же остальных: цербер, который может порвать в клочья. Не человек – машина.

Поэтому, когда в нашем доме однажды появился молодой мужчина, и папа, хлопнув того по плечу, назвал его «хорошим другом», я сразу поняла, что человек этот какой-то особенный. Никого другого отец не водил к нам домой, предпочитая оставлять знакомых где-то там, вдалеке от нас, за порогом.

– Богдан, это моя жена, Ира, а это моя дочь, Александра. Девочки, сообразите что-нибудь на стол. Будем праздновать.

Мужчина смерил меня долгим – чуть дольше, чем требовалось – взглядом.

– Очень приятно, – ответил тихо, а я запомнила, как изгибаются его тонкие, упрямо поджатые губы.

Мы сидели в столовой, в тарелках дымилось мясо с овощным гарниром. Папа рассказывал, что они заключили какую-то важную сделку, и что без Богдана этот контракт никогда бы не получили. Тот лишь невесело ухмыльнулся, будто похвала ему претила. Я помню, что разглядывала его из-под длинной челки, делая вид, будто увлечена едой. Он был сдержан в общении, но похвалил мамин ужин и сказал, что для него честь быть нашим гостем.

– Сашка у меня студентка, в лучший университет её отдал, на платное отделение. Будет финансами заведовать, как

отучится. Голова у неё светлая, всё получится, – нахваливал меня отец, и я стыдливо краснела.

– Нравится учеба? – ради поддержания диалога спросил Богдан.

И я ощутила себя маленькой девочкой, которую допрашивают взрослые за столом. А ты сидишь такая в платьице, с косичками, и смущаешься под их строгими взглядами. Странное чувство. Я... почему-то я не хотела казаться маленькой этому мужчине.

– Да, вполне, – ответила сухо.

Вот и весь наш диалог.

Кто же этот Богдан? Откуда он взялся? Папа не рассказывал про него раньше, я не помню среди деловых партнеров этого мужчину. А такого невозможно не запомнить, даже если увидел случайно. У него даже имя особенное, редкое, необычное.

Он просто появился в нашей жизни.

И ушел поздним вечером, а я всю ночь перерывала интернет в поисках крупиц информации. Почему-то мне хотелось узнать всё о нем. Но, к сожалению, сеть молчала. Удивительно, в двадцать первом веке про любого можно накопать компромата.

Кроме него.

Он был словно призрак.

Меня злило отсутствие результатов. Я копалась ещё и ещё. Подключила подруге-Риту, и вместе мы излазили интернет

вдоль и поперек.

– Неуловимый какой-то этот твой Богдан, – покачала головой Ритка после нескольких часов бесполезных поисков.

– Он не мой.

– Тем более. Забей на него, чего ты к нему привязалась?

– Как ты не понимаешь? – я разозлено тряхнула волосами. – Мне нужно знать, с кем сдружился папа. Он его домой привел, понимаешь?!

– Так спроси у него сама.

Подружка пожала плечами. В её мировоззрении всё было просто и понятно.

– Угу, так и спрошу. «Пап, а что за мужик к нам приходил?»

– Почему нет? Ты имеешь право знать, кто к вам шастает. Сашка, ты слишком загоняешься, реально. Всё, я отказываюсь продолжать. – Она хлопнула крышкой ноутбука. – У вас есть что-нибудь сладенькое?

Ритка – невозможный едок всяких вкусностей. Пирожные, тортики, конфеты пропадают в ней как в бездонной бочке. Никак, между прочим, не отражаясь на фигуре. В ней, миниатюрной брюнетке, сорок килограмм живого веса. Ветром её не сдувало только потому, что Рита обвешивалась с ног до головы побрякушками и носила туфли на пятнадцатисантиметровой платформе.

Мы спустились вниз, на кухню, где развернулось настоящее поле боя. Мама разложила по всему пространству –

тридцать метров, как-никак! – посуду, ингредиенты, а сама шинковала ножом зелень. На плите что-то булькало и пыхтело.

Вообще-то в теории мы могли позволить себе кухарку, но мама слишком любила готовить. Она каждый день придумывала что-то новенькое, устраивала нам с папой вечера разных кухонь. Судя по запаху, сегодня нас ждало что-то азиатское, остро-сладкое, на кокосовом молоке.

– Здравствуйте, Ирина Валерьевна, – помахала подруга маме, та улыбнулась в ответ.

– В морозилке мороженое, – угадала она мысли Риты.

– О, спасибо. Слушайте, – подруга залезла в холодильник, достала ведерко ванильного пломбира, хозяйским движением взяла ложку. – А что к вам за Богдан такой приходил?

Я попыталась пнуть ее под столом, но Рита перла как танк. Её уже невозможно было остановить.

– Сашку он явно смутил, она теперь думает только о нем одном, всё пробить пытается в интернете. Я уже пальцы стерла помогать ей!

– Он меня не смутил, – ответила я напряженно. – Просто раньше папа гостей не водил. Разве это не странно?

– Я не спрашивала особо, – мама стряхнула зелень с доски в кастрюльку. – Поняла только, что они уже несколько контрактов вместе ведут. Значит, Дима ему доверяет. Давай и мы доверимся. Не переживай, не думаю, что наш папа подружился с плохим человеком.

Ха, не переживай. Легко сказать.

Мельников не давал мне покоя. Тревожил. Занимал все мысли. Стал болезненным нарывом, на который легонько надавишь – и он ноет. Но я совсем не беспокоилась о том, кем он является на самом деле.

Просто хотела его раскусить.

Я еще не знала, что совсем скоро мы встретимся вновь.

Не знала, как близок судный день.

В клуб «Оро» невозможно попасть простому смертному. Только избранным, лучшим из лучших. Даже среди так называемой золотой молодежи далеко не все имеют сюда доступ. По особым карточкам – черным, с золотым шрифтом, – которые выдаются на одну персону. Только так. Исключений нет.

Я никогда не понимала царящий вокруг «Оро» флёр недоступности (да ну, будто нет других хороших клубов!), но, когда Денис раздобыл аж четыре приглашения, согласилась пойти. Надо же приобщиться к великому, чтобы потом с чистой душой плевать.

Денис учился с нами на одном курсе и последние два года безнадежно подкатывал к Рите. Даже сейчас он сидел слишком близко к ней и будто невзначай периодически задевал ладонь ладонью. Подруге он нравился, но не настолько, чтобы пуститься во все тяжкие. Она держала Дэна как запасной вариант, не забывая периодически сокращать расстояние –

чтобы не сорвался с крючка.

Если вдуматься, подруга та ещё манипуляторша.

Впрочем, Денис не жаловался.

Я размешивала трубочкой коктейль и осматривалась. Денис с Кириллом пошли к бару за добавкой. Рита надувала пузырь из жвачки, пританцовывая у столика. Подруга надела такое короткое мини, что я побаивалась каждый раз, когда она поднимала руки. Юбка так и грозила оказаться в районе пупка.

Я предпочла брючный комбинезон с длинными рукавами и широкими штанинами. Вроде бы нейтрально и даже скромно, если бы не вырез на всю спину, который заканчивался у самого копчика.

– А тут неплохо! – хихикнула Рита, перекрикивая музыку. – Атмосферно!

– Ну да, нормально.

Пожала плечами. Клуб как клуб. Кроме именитых диджеев и дорогущего алкоголя, ничего необычного.

– По-моему, Кирилл твердо намерен уйти сегодня с тобой. Он же тебя взглядом сожрал! Видела, как он метнулся за коктейлем? Детка, ты плотно зацепила парня.

– Кирилл может закатать губу.

– Совсем не нравится? Вроде симпатичный, в футбольной команде играет, – подруга вздохнула.

Она давно мечтала сбыть меня кому-нибудь, а я всё не давалась. Мне нравилась свободная жизнь. Наверное, я по-

мру в одиночестве, окруженная двадцатью пятью кошками, но пока не встретился тот парень, который смог бы заставить меня хоть ненадолго сойти с ума.

– Не в моем вкусе.

– Ой, всё. – Она закатила глаза.

– Слушай, кто бы говорил. Денис вон за тобой бегаёт. Чего ж ты до сих пор с ним не встречаешься?

– Денис слишком идеальный, мне нужен кто-то другой.

Но как друг он неплох. Знал же, что я мечтала сюда попасть, и нашел приглашения. О, мальчики! Вы так оперативно!

Парни поставили перед нами стаканы с напитками, запотевшие, разноцветные. Кирилл пододвинулся ко мне поближе.

– Пошли туда? – кивнул на танцпол.

Долбила музыка, и люди двигались в каком-то сумасшедшем едином порыве, сливаясь с ней.

– Чуть позже.

– Понял, принял, жду.

Мы пили коктейли и танцевали у столика. Денис показывал иномарку, которую родители планировали подарить ему на день рождения. Кирилл хвастался тем, что его почти взяли в молодежную сборную. Они начали обсуждать какие-то скучные футбольные темы, какие-то трансферы и лиги. Рита давно скрылась в толпе, а Денис даже не заметил, увлеченный беседой.

Я незаметно выскользнула и тоже ушла к танцполу. Мне

нравится растворяться в движениях, закрыв глаза, ориентируясь только на чувства. Одной. Без сомнительных кавалеров.

Пол трясся от битов. Музыка оглушала. Надо признать, в этом есть какое-то свое очарование. Здесь качественный звук и нет пьяных, подкатывающих тел мужского пола. Если кто-то перебирает с выпивкой, его оперативно устраняет охрана.

Я качнулась в танце, поймала волну. Прикрыв веки, мотнула головой.

Мелодия понесла за собой, и вскоре я полностью отдалась ей как умелому любовнику.

Поэтому, когда по талии скользнули чьи-то руки, я не сразу сообразила, что ко мне приблизился чужак. Касания были горячи, сильны, совершенно завораживающие. Вздох. Я оказалась прижата к мужскому, натренированному телу. Близко-близко. Вплотную. Так, что спиной ощущала, как тяжело вздымается грудь, как напряжены его мускулы.

– Кирилл! Ты что себе позволяешь? – Я обернулась и...

Застыла на месте. Передо мной стоял, насмешливо изогнув левую бровь, друг отца. Человек-призрак. Человек-загадка.

Мельников, черт бы его побрал, Богдан.

И его ладони собственнически лежали на моих бедрах.

Он молчал. Не говорил ничего лишнего, не разрывал зрительный контакт. Но его пальцы чувствовали меня сквозь

тонкую шелковую ткань. Недопустимо. Запретно. Совершенно порочно. А я словно загипнотизированная, не могла вырваться.

Мои губы совсем пересохли.

Мельников настолько нарушил все мыслимые и немыслимые границы, что по-хорошему заслуживал пощечину. Но я позволяла его рукам оставаться там, где они лежали. Позволяла прижимать меня к себе. Позволяла вот так смотреть.

Он качнулся под очередной удар звука, словно намекая: продолжай, ничего не изменилось. И мне захотелось поддаться порыву.

Вопросы успею задать потом.

Сейчас же... будь что будет.

Мы ведь не делаем ничего плохого. Танцуем, и только. Многие в клубе трутся друг о друга, разве что не срывая одежду, елозят по разгоряченным телам, целуются так, что можно показывать в фильмах категории «для взрослых». А мы... всего лишь движемся в одном ритме, и мужские руки направляют мое тело в нужном направлении.

Что ему сказать? Поздороваться? Спросить о чем-то? Что вообще будет правильно в этой странной ситуации?

Впрочем, Мельников не страдал от отсутствия между нами диалога. Казалось, его вообще ничего не смущает, и обстановка естественна и банальна. Он изучал меня, издевательски щурясь, дожидаясь реакции.

Я отстранилась, понимая всю неправильность ситуации.

Ведь это партнер моего отца, его друг. Может, он вообще таким образом меня проверяет: насколько я легкомысленная и готовая пуститься во все тяжкие.

А я не такая.

– Что-то не так? – его голос был хрипловат, и в нем чувствовались насмешливые нотки.

Что ему ответить?

Всё совсем не так. Начиная от того, что меня в жар бросает при одном упоминании его имени, и заканчивая этим танцем, о котором почему-то даже вспоминать стыдно – таким запретным он кажется.

Я не успела ответить, потому что к нам подошел Кирилл, оттеснил Мельникова от меня.

– Я тебя заждался, – сказал он невпопад, явно для того, чтобы вообще хоть что-то сказать.

В эту секунду на его плечо легла тяжелая мужская ладонь.

– Свободен, – Богдан говорил предельно спокойно. – Девушка занята.

– Дядь, да ты кто вообще такой? Совсем упился, что ли? – Кирилл хрустнул костяшками пальцев. – Саш, он тебя обижает?

Я помотала головой, только вот моего мнения не особо и спрашивали. Кирилл всё же решил показать, кто здесь альфа-самец, и скинул с себя руку, а затем попытался ударить Мельникова в живот.

Это решение было стратегической ошибкой.

То, с какой легкостью, Богдан впечатал кулак в скулу Кирилла, даже восхищало. Какой-то животной, первобытной яростью.

Никто даже не обратил внимания. В клубах, даже элитных, случаются потасовки. Конечно, если стычка перерастет в настоящую драку, то прибежит охрана – и обе стороны выбросят на улицу. Но пока никто не переходит негласных границ – деритесь в свое удовольствие.

– Ты... ты... – взревел Кирилл.

Он вскочил на ноги и хотел ответно ударить, но Мельников перехватил бросок, заломил руку Кирилла ему же за спину, заставив согнуться в три погибели.

– Я ещё раз повторяю: девушка занята, – сказал очень вежливо и добавил, обращаясь ко мне: – Поехали отсюда?

Я заворожено кивнула.

Рите оставила короткое смс-сообщение, мол, не волнуйся, меня отвезут домой. Кирилл смотрел на меня исподлобья, но не лез и не пытался напомнить, что вообще-то он планировал закончить этот вечер со мной вместе. Я беспрепятственно вышла на свежий воздух.

Иномарка Мельникова, темно-синяя, тонированная, остановилась у входа в клуб.

Я села на переднее сидение, почему-то ощущая себя ужасно порочной. Щеки покрывал румянец, хотя по сути я не делала ничего такого. Уехать с другом отца – что в этом такого?

– Друзья тебя не потеряют? – спросил Богдан, вдавив в

пол педаль газа.

– Нет, я их предупредила. А что ты делал в клубе?

– Странный вопрос. Что обычно делают в клубах? – он усмехнулся. – Пожилые люди, типа меня, не могут развлекаться?

Интересно, сколько у нас с ним лет разницы? Десять, двенадцать? Явно не больше пятнадцати, хотя по Мельникову сложно определить реальный возраст. Но вряд ли бы папа близко общался с «молокососом», как он называл молодых выскочек в бизнесе.

– Я имею в виду... не похоже, что ты любитель всего такого.

Он пожал плечами.

– Ты права, мне больше по душе другие виды отдыха.

Какие – он сообщать не собирался, а я не стала уточнять.

Рядом с ним меня охватывало странное чувство. Не знаю, как объяснить его. Одновременно и чудовищная неловкость, словно ты общаешься с каким-то важным человеком, и... раскрепощенность. Меня не тяготило молчание. Я не хотела замкнуться, как делала это обычно при незнакомых людях.

– Куда мы едем?

– А куда ты хочешь? – просто спросил он.

– Может быть, к дамбе?

– Поехали.

...А потом мы стояли на мосту и смотрели, как залив бьет-ся о металлические створки дамбы, как черная вода пытается

ся разрушить построенное человеком строение. Тишина была практически нерушимая – если не считать плеск волн и завывание ветра.

И это было так странно: просто находиться рядом. Не искать темы для разговора, не отбиваться от подкатов (как в случае с Кириллом). Слушать шум воды, думать о своем. И не переживать, что человеку рядом с тобой неудобно.

Потому что интуитивно я догадывалась: Богдана всё устраивает.

Он накинул мне на плечи свою куртку, пропахшую горькой туалетной водой. Куртка казалась огромной, я могла в ней потонуть.

– Спасибо, – укуталась плотнее.

– Я думал о тебе, – внезапно признался Богдан, стоящий позади меня.

Руки его легли на мою талию, обхватили, прижали к себе.

– Правда? – сглотнула.

Неожиданная искренность смутила меня, заставила сжаться, испытать трепет пополам со страхом. Я не понимала, чего ожидать, но знала наверняка – мне хочется знать. О чем он думал, почему именно обо мне. Чем я могла его зацепить? Я, обычная студентка, скучная и неприметная, не любящая чужое внимание.

– С того дня, когда твой отец пригласил меня к вам домой. – Голос его обволакивал, заполнял каждую клеточку моего тела пузырьками, словно игристое шампанское. – Я не

мог перестать о тебе думать. Это было недопустимо, я понимал. Ты – дочь моего партнера. Ты – младше меня. Это со всех сторон неправильно.

– Я тоже думала о тебе, – и прикусила губу, стесняясь своего признания под шум воды. – Даже в интернете информацию искала.

– Нашла?

– Не-а.

– Ну, можешь спросить у меня напрямую, – он хмыкнул. – Я отвечу.

– Можно тебя поцеловать?..

Я сама не ожидала от себя такой прямоты. Но почему-то этот вопрос первый, который появился на уме, и первый, который сорвался с языка. Почему бы и нет? Он ведь сам признался, что думал...

Богдан развернул меня к себе, играючи, как будто в танцевальном движении. Куртка чуть не съехала с плеча, но он придержал ее рукой. Он целовал меня нежно и сладко, аккуратно, едва касаясь губ. И я таяла от этой его ласки, почти невинной, лишённой грязи, неприкрытого вожделения.

Наши силуэты освещали фары машины Мельникова. Мимо, по дамбе, проносились автомобили. А мы целовались, совершенно замороженные, позабывшие обо всем.

Целовались в этот вечер и в десяток других, запретных вечеров, в которые Мельников забирал меня с соседней улицы (чтобы его авто не заметили мои родители), катал по го-

роду, показывал новые места.

Он был прекрасным собеседником, и я не чувствовала себя рядом с ним глупой или маленькой. Наоборот, он легко поддерживал мои темы, а я – его. Мы находили схожесть в мелочах, обсуждали такие вещи, о которых я никогда бы не смогла говорить со сверстниками.

Мы виделись редко: у него бизнес, у меня – учеба, дополнительные курсы, активная студенческая жизнь.

Отец ничего не знал. Никто не знал. Я никому не сказала, не хотела спугнуть, да и понимала, что одобрения мы не дождемся. Между нами разница в возрасте, чертовых двенадцать лет, практически пропасть по мнению моих родителей. Я помню, как они обсуждали одну мою одноклассницу: мужчина был старше ее всего на десять лет, но даже это вызвало у мамы искреннее возмущение.

– Это совращение малолетних, – качала она головой. – Девочке всего двадцать, куда он к ней лезет?

Папа согласно кивал.

В общем, это была наша маленькая тайна. Такая, о которой не расскажешь даже намеком. И оттого более драгоценная. Пугающая. Сладкая.

Отец вновь пригласил Богдана в гости в один из пятничных вечеров. Спонтанно. Я не ждала его. Поэтому, когда папа позвонил маме и сказал, что приедет «с Богдашей», мое сердце ухнуло в пятки. Мне показалось, что сейчас-то все

про нас и узнают. Невозможно же не заметить, что между нами что-то есть. По взглядам, по движениям, по тому, как искрит воздух.

Как же быть?

Или я зря себя накручиваю? Достаточно сесть подальше от Мельникова, быстренько поужинать и свалить к себе в комнату под любой благовидной причиной.

Но когда Богдан появился в доме, я поняла, что не смогу уйти. Мне так нравилось наблюдать за ним. Вспоминать, как его губы скользили по моей шее и ключицам, как его дыхание согревало кожу. А сейчас он сидел за столом, расслабленный, одетый в строгий деловой костюм, и они с отцом обсуждали какие-то финансовые вопросы, мне непонятные. Стыдно, наверное, должно быть. Я ведь учусь на экономическом факультете, а в процессах не разбираюсь от слова «совсем».

– Я в тебе вижу себя в молодости, – усмехался папа, разливая по рюмкам жгучий, янтарный коньяк. – Такая же хватка, такое же умение чувствовать, куда нужно вложиться, а куда – не стоит.

Мне пить никто не предлагал, маленькая же ещё. Плевать, что мне уже двадцать лет. В глазах папы единственная дочь всегда была крошкой. Впрочем, я и сама хотела оставаться трезвой. Чтобы смотреть, запоминать, впитывать.

– Саш, как у тебя в институте дела? – спросил отец, и Богдан тоже обратил на меня свой взор (причем сделал это так,

словно до этого и не замечал моего присутствия).

– Да нормально всё, – я поковыряла в тарелке вилкой. – Как там еще может быть?

– Она у меня скромница, а сама без единой тройки учится! – похвастался перед Мельниковым отец. – Не дочь, а сокровище. Всё налету схватывает, когда-нибудь погружу её в бизнес, будет, кому его передать. А сам уеду в деревню, коз разводить. Всегда мечтал. Короче, хорошо, что дочь такая уродилась.

– Дим, не сглазь! – шикнула мама.

– А если я не захочу заниматься твоим бизнесом, пап? – я мило улыбнулась, но голос был строг. – У меня могут быть другие цели в жизни.

– Ну, тогда мужа тебе найду, у которого цель будет всего одна: приумножить наши доходы, – отмахнулся папа, не став спорить. – Будет он всем заправлять, а ты дома сиди и свои женские дела делай.

Я мельком глянула на Богдана, словно надеясь на его реакцию, и тотчас порозовела, потому что мимолетная фантазия завела меня совсем не в ту степь. Какое замужество? Мы даже не делали ничего, только целовались – ни на шаг дальше не зашли.

Я сама не позволяла нашим отношениям развиваться в иной плоскости, а Богдан не торопил, не напрашивался, не предлагал срочно переночевать у него. Он ждал, и мне нравилось, что мои чувства ему интересны.

Мужчина оставался равнодушным.

Вечер подходил к концу, часы давно застыли на одиннадцати.

– Я поеду, – сказал Мельников, когда десерт был ради приличия съеден, и беседы закончены.

– Куда?! – отец возмутился. – Ты же выпил! Глупостей не говори, оставайся у нас, мы тебе в гостевой постелем. Да, Ир?

– Конечно, – улыбнулась мама. – Встанешь, позавтракаешь и уедешь завтра. Куда сейчас-то спешить.

Богдан покачал головой.

– Я закажу такси, а машину заберу завтра. Не хочу пользоваться вашим гостеприимством.

– Богдан, не сходи с ума. Ты нам не помешаешь, а мне будет спокойнее, если ты отоспишься у нас.

Он мимолетно глянул в мою сторону, словно подумав о чем-то отвлеченном и от отца, и от выпитого алкоголя.

– Хорошо, спасибо, – кивнул.

Мама ушла застилать кровать, а когда вернулась, Мельников поднялся, ещё раз поблагодарил папу за прием и сказал, обратившись ко мне:

– Спокойной ночи, Александра.

Но почему-то по тону его голоса я поняла, что спокойной ночь не будет...

Эта мысль засела в моей голове, и я, умываясь, переодеваясь в пижаму, обдумывала её с томительным ожиданием.

Я вздрагивала на каждый шорох, скрип двери, шум ветра. Я смыла косметику и осмотрела себя в зеркале, думая, достаточно ли я красива без туши и тонального крема, с распущенными волосами, не в платье, а в шортиках и топике.

Я знала, что Богдан будет спать в соседней комнате, и сидела допоздна с ноутбуком, прислушиваясь к звукам за стеной.

«Спишь?» – написал он в час ночи, когда родители ушли в спальню, и дом окончательно затих.

«Нет», – ответила я и густо покраснела.

Почему-то простой вопрос казался мне таким интимным и запретным. Потому что наша тайна обросла новым флером. Эта близость добавляла остроты. Одно дело – целоваться украдкой в городе, а другое – здесь, рядом с родителями, в моем собственном доме.

«Я зайду?»

«Да...»

Он пришел бесшумно. Дверь приоткрылась – в комнату проник слабый свет из коридора, – и Богдан застыл на пороге. Я сидела в кровати, смотрела на него. Он был в одних только джинсах, без футболки, и мои щеки залились алой краской. Хотела было подняться.

– Сиди, – попросил шепотом.

Отложила ноутбук в сторону, и единственный источник света угас, погружая спальню в кромешный мрак. Лишь лунный свет позволял увидеть, как Богдан идет в мою сторону,

как склоняется надо мной, опираясь ладонями о матрас... как его губы накрывают мои в сладком, возмутительно бесстыдном поцелуе.

Он перебрался на кровать, лег рядом со мной, обнял крепко и жарко, так, что мне стало нечем дышать. Я обхватила его ногами за талию, сама не понимая, что творю, действуя интуитивно. Поцелуи скользили по ключицам, и ладони оглаживали моё тело сквозь тонкую ткань пижамы.

Скрипнула кровать под весом наших тел. Сомнений не было, как и страха, как и желания прекратить, остановиться, свернуть с дорожки, на которую мы оба ступили.

В спальне на первом этаже спали мои родители.

А мы не спали. Всю ночь. До самого утра.

Богдан уехал в субботу утром, даже не позавтракав толком. Выпил чашку крепкого кофе без сливок – поблагодарил моих родителей и умчался к себе. Я провожала его машину, выезжающую из ворот, стоя на втором этаже. Когда мужчина шел к ней, почему-то думала: ну, обернись, посмотри наверх, улыбнись мне.

Он не посмотрел и не улыбнулся.

Впрочем, оно было логично – его провожал мой папа.

Интересно, как родители отреагируют, если узнают, что мы встречаемся? Не могут же они разозлиться. Отец сам говорил, что Богдан для него как сын, которого никогда не было. Вчера он грозился, что передаст дело моему мужу – и мне на секунду почудилось, что было бы здорово, стань этим

мужем Мельников. Как-то правильно. Со всех сторон.

Я даже украдкой фамилию его примерила. Да, знаю, это глупость, но какая девушка не обдумывает свою будущую подпись, начав встречаться с парнем? Нам ведь немного надо, чтобы размечтаться. И вот мы уже продумываем семью, троих детей и обязательно собаку – лабрадора хочу, – которая будет встречать мужа, кидаясь на него всем своим весом.

Так вот. Александра Мельникова. Звучит очень аристократично.

Во мне грелось хрупкое, трепетное чувство, название которому я не могла пока дать.

Он стал моим первым мужчиной.

Он стал моим первым во всех смыслах слова...

Глава 2

СЕЙЧАС

Прошло три года, и от юной наивной девчонки ничего не осталось. Только внешняя оболочка, да и то, с потертостями. Я выросла, изменилась, зачерствела. Мой мир перестал делиться на «белое» и «черное», стал скорее серым, невзрачным.

– Рит, ты занята? – спрашиваю подругу по телефону.

Она успела выйти замуж и даже родить ребенка (и этому я до сих пор иногда не могу поверить!) С карьерой у Риты в ближайшие несколько лет не сложится, о чем она несколько не жалеет, и в институте пришлось перевестись на заочное отделение, зато в остальном подруга впереди планеты всей.

– Не особо, – задумчиво отвечает Ритка, что-то пожевывая. – Макса мама забрала до пятницы, а я бездельничаю.

– Можно к тебе заехать?

– Что случилось? – понимает она моментально, наверное, улавливает в моем голосе какую-то нотку.

– Я видела Богдана...

– Твою ж... – не сдерживается подруга. – Жду.

Именно она вытаскивала меня из пучины депрессии. Она встряхивала меня как куклу, она звонила вечерами и напоминала хотя бы поужинать. Она как никто знает, во что я превратилась после недолгих отношений с Мельниковым.

Отношений ли? Можно ли назвать то, что было между нами, полноценными отношениями? Или только иллюзией?

Когда от меня отвернулись все, даже собственные родители, и я осталась на обочине, абсолютно запутавшаяся и испуганная, только Рита была рядом.

– Надеюсь, он сидел у мусорного контейнера и просил милостыню? – с порога спрашивает подруга, я даже не успеваю зайти к ней в квартиру. – Нет? Жаль.

– Рит...

– Ты расцарапала ему морду? Сказала ему всё, что мы обе о нем думаем? Прямо по списку. Пункт первый: ты – жалкий червяк, и...

– Рит... – повторяю еще более обреченно.

– Ну, что?

– Мы целовались...

– Как?! С ним?! Зачем?..

В глазах подружки – такое искреннее, неподдельное удивление, граничащее с ужасом. Мне кажется, заяви я ей, что поедаю младенцев на завтрак, она была бы менее шокирована.

Приходится рассказать. О том, как я увидела его в ресторане, впервые за три года, хотя думала, что он уехал из страны и сейчас где-то в Европе. О том, как он меня вспомнил, как пошел за мной в туалетную комнату...

– Я найду его и убью, – мы давно уже сидим на маленькой уютной кухоньке квартиры, которую снимает семья Риты;

подруга нервно жуёт печенье за печеньем, и вазочка быстро пустеет. – Из-под земли достану. Какое он вообще право имел тебя касаться? Он тебе жизнь сломал, а теперь...

Больше приличных слов она не находит и переходит на язык, прямой и доступный каждому, то есть матерный.

Ну, будем честны, жизнь он мне не ломал. Я сама решила уйти из дома, отказалась от родительских подачек и устроилась в ресторан, совмещая работу с учебой в университете. Внезапно пришло осознание, что жить под родительским крылом хоть и удобно, но свободы тебе не видать. Тебя контролируют во всем и имеют полное на это право. Они же обеспечивают твои прихоти.

Потому уже три года я свободная студентка, которая больше не ходит по дорогим клубам и одевается на распродажах – и это делает меня счастливой. Наконец-то я могу дышать полной грудью, не боясь кого-то разочаровать. Кроме самой себя, конечно.

– Что ты будешь делать? – Рита спрашивает почти спокойным тоном.

– Да ничего. Надеюсь, он больше не придет. Поцеловались, и хватит.

– А если придет? Он же ненормальный. Захочет добавки и припрется.

– Ты предлагаешь мне уволиться, только бы случайно не пересечься с бывшим?

Она неоднозначно ведет плечом.

– Я бы на твоём месте ему в суп плюнула.

– Хорошо, что ты не на моём месте.

Возможно, я поступила неправильно. Пошла на поводу у эмоций, дала слабину, не проявила характер. Наверное, нужно было сразу оттолкнуть Богдана, не позволить ему даже приближаться к себе – но я не смогла. И сейчас меня съело жуткое чувство собственной никчемности.

Я ведь обещала себе быть сильной. Представляла, как встречу его однажды, совершенно случайно, и гордо пройду мимо, даже не обратив внимания. На высоченных каблуках. В мини-юбке или платье, обтягивающем меня как вторая кожа. Разумеется, с вечерним макияжем. Вся такая недоступная и прекрасная.

Но получилось иначе. Жалко, убого, уныло.

А ещё... ещё мне хотелось, чтобы поцелуй продолжался. Чтобы нас не остановила Дина. Чтобы у нас было время, бесконечно важные секунды наедине друг с другом, только бы хоть как-то компенсировать потраченные три года.

– Ты говоришь, с ним какая-то швабра была? – Рита берет очередное печенье, ломает его в пальцах и собирает крошки со стола в горку.

– Девушка, – поправляю я ее.

Ритка бывает грубой и бескомпромиссной. Пассия Мельникова ведь не виновата, что он пришел с ней именно в «мой» ресторан. Наоборот, мне грустно, что она заложник этой ситуации. Что хорошего, если твой мужчина зажимает в

углу кого-то, когда ты сидишь в соседнем зале и ждешь свой заказ?

– Сказала бы ей, чем у неё мужик занимается, посмотрела бы, как она его отходит на глазах у всего ресторана, – вздыхает Рита. – Ты слишком добрая и наивная.

– Ага, и глупая.

– Ладно тебе убиваться. Всё равно вы с ним больше не увидите, – подруга поглаживает меня по плечу.

Стоит ли говорить, что Рита глубоко ошибалась?

Когда подсматриваешь в интернете новости про бывшего, испытываешь непонятное волнение. Лёгкие сдавливают. Взгляд мечется, словно ты совершаешь что-то запрещённое, недозволенное, порицаемое.

Да, тем вечером я решила разыскать Богдана в интернете. Однажды уже пробовала, но тогда у меня ничего не получилось. Может быть, за три года он стал проще относиться к социальным сетям?

Я наткнулась на его профиль случайно, через его друзей, имена которых с трудом вспомнила. Полупустой, пара фотографий, и всё. Нет, Мельников не изменил себе, не стал выставлять свою жизнь напоказ.

Но в друзьях у него – разумеется, я и туда залезла! – обнаружилась та девушка. Елизавета Макаренко. Она не стремилась особо светить любовника, но я узнавала знакомые черты. Его силуэт, машина (он ее не сменил), квартира с видом

на парк, наручные часы и родинка на запястье.

Я как безумная начала изучать ее страницу, пытаясь понять: чем же она лучше меня?

Разумеется, ни о каком «лучше» речи идти не могло, потому что Богдан давно разорвал со мной отношения. Кроме того, у него появилась другая девушка. Он говорил, что они собираются пожениться. Её звали не Лиза, нет. Полина.

Так почему же он поменял невесту-Полину на какую-то Лизу? Что, ушел и от нее тоже? Сказал, что они слишком разные, и ей нужно найти кого-то лучше?

Я надеялась увидеть что-нибудь, что успокоило бы меня. Например, что она кормит бездомных котиков или занимается волонтерством. А может, у нее собственный бизнес, который она построила с нуля? Она печет восхитительные тортики, а в свободное время бегает сорок километров на марафонах?

Но Лиза была самой обыкновенной девушкой. Она ходила с подругами по барам, гуляла допоздна, отучилась на дизайнера и ничем не выделялась. Она не была лучше меня или хуже.

И это меня злило. Я не гордилась своими эмоциями, но они переполняли меня доверху. Я не могла смириться с тем, что Богдан сказал мне: «Нам не стоит больше видеться», а потом полез целоваться как ни в чем не бывало. Не могла смириться с тем, что в его жизни появилась Елизавета, которая фотографирует его спину и пишет в описании: «День

с любимым БМ». Он для неё любимый. БМ. Богдан Мельников.

Он же... он же...

Мне остро хочется написать Лизе, чтобы она спасалась от Богдана, чтобы не доверяла его словам. Потому что он сбегает от нее в туалет и целует там официанток. Потому что он предаст ее. Но я просто бездумно листаю фотографии, рассматриваю ее жизнь снимок за снимком и кусаю губы.

Рите я, разумеется, о своем помешательстве не рассказываю.

Не поймет. Осудит. Скажет, что я сошла с ума и мне пора ложиться в дурдом.

На следующую смену я прихожу взвинченная, постоянно озираясь по сторонам, ловя в затылках сидящих за столиками мужчин знакомые очертания. Долго поправляю форменную блузку, дергаю за юбку.

– Что на тебя нашло? – Дина рассматривает мои попытки привести себя в порядок с удивлением. – Как твой желудок?

– Нормально. Спасибо, что подменила меня.

– Ай, – она отмахивается. – Не стоит. Мне там один твой столик такие чаевые оставил, что я готова была их расцеловать напоследок.

– Какой именно?.. – охрипшим тоном.

– Третий. Там мужчина такой презентабельный сидел с девушкой. Прикинь, десятку дал. Кстати, хочешь – могу поделиться. Мужик этот сказал, что ему очень нравилась про-

шная официантка. Пришлось огорчить, что ты ушла, но я с удовольствием тебя заменю.

Я грустно хмыкаю. Спасибо ему, конечно, хоть чаевых этих мне и не досталось – да я бы и не взяла их. Ощущаешь себя женщиной, которой за поцелуй платят твердой валютой. Приятного мало, сколько бы он ни оставил. Неужели я стою всего десять тысяч?

– Нет, спасибо. Ты заслужила эти деньги.

Смена начинается, и потихоньку, за работой я забываю о Богдане. Невозможно бегать от столика к столику, запоминать заказы, теревить поваров и при этом страдать из-за бывшего мужчины.

А потом...

Ну, разумеется, потом я замечаю его, сидящего у окна, разглядывающего меню.

И мое сердце замирает от страха.

Богдан одет в рубашку светло-синего цвета, на шее – темный галстук. Не удивлюсь, если его с утра затыгивала любящая девушка, нежным движением проводила по воротничку, поправляя тот. Весь такой серьезный, чисто бизнесмен на обеде. Наверное, так и есть. Одно радует: шикарной Елизаветы, упакованной в мини-платье, рядом не имеется.

– Смотри, тот красавчик опять пришел, – шепчет мне пробегающая мимо Дина. – Иди ты. Он явно потребует твоего обслуживания. Уж не знаю, чем ты его так задела.

Зато я знаю.

И каждый шаг до стола дается мне тяжело. Ноги будто увязли в зыбучих песках. Я бы с удовольствием передала этот заказ кому-нибудь еще, но понимаю – от Мельникова не отделаешься. Он будет приходить сюда каждый день, и мне придется уволиться, только бы не видеть его.

Лучше уж поступить по-хамски и просто прогнать.

– Рядом есть другие хорошие рестораны, – вместо приветствия сообщаю ему. – Советую ходить в них.

Он поднимает на меня глаза, легонько улыбается краешком губ.

– А мне нравится этот. Особенно – обслуживание.

Ух, как мне хочется врезать ему меню по голове, расцарапать лицо и сбежать... сбежать куда подальше, только бы никогда больше не видеть. Но я держу лицо.

– Вы определились с заказом?

– Кофе.

– У нас семь видов кофе, приготовленных из отборных сортов арабики, – специально начинаю перечислять я. – Американо, капучино, ристретто, латте...

– Любой, – перебивает Богдан уставшим тоном. – Саш, когда ты освободишься?

– Для тебя – никогда. Слушай, просто уйди отсюда. Что тебе вообще надо?

– Я хочу поговорить с тобой.

– Зато я с тобой не хочу. Не уйдешь – я тебе в кофе плюну, – мстительно припоминаю фразу Риты.

Непрофессионально, конечно. Но бросать девушку без объяснения тоже не очень профессионально. Целовать ее потом – вообще так себе идея.

Короче, мне не стыдно за свои слова. Мы квиты.

– Плюй, – легко соглашается он.

– Что тебе надо?

Мне ужасно хочется рухнуть на стул и упереться ладонями в лицо, чтобы не видеть его, даже случайно, даже украдкой. Но я продолжаю стоять, держа перед собой блокнот, стискивая карандаш в пальцах.

Богдан смотрит на меня снизу вверх, но почему-то даже сейчас я ощущаю его превосходство.

– Я хочу поговорить, – повторяет тихо.

– У тебя есть девушка, – выплёвываю я. – Вот с ней и разговаривай. Неужели ты не понимаешь, что противен мне?

Молчит, но продолжает пристально смотреть, изучать мое лицо словно под лупой.

– Слушай, если у тебя осталась хоть капелька совести, уходи. Не заставляй меня увольняться из-за твоего желания пообщаться. Я не хочу иметь с тобой ничего общего, – а затем добавляю громче, с обманчивой радостью: – Ваш заказ: раф с карамельным сиропом и тыквенный пирог. Будет сделано в течение пятнадцати минут!

Я знаю, что он ненавидит сладкий кофе, как ненавидит и сливки, и пироги, но из вредности записываю именно это. Не может определиться – я решу за него. За нас обоих.

Когда я возвращаюсь, чтобы поставить столовые приборы, Богдана за столиком уже нет. Он оставил очередные десять тысяч – какой щедрый – и короткую записку на салфетку.

«Пожалуйста, позволь мне извиниться за свой поступок».

А ниже – номер телефона.

Как будто я не выучила его наизусть еще в прошлой жизни.

Мама звонит, когда я заканчиваю смену и переобуваюсь из жутких туфель в удобные кроссовки. Мы с ней общаемся редко, но чаще, чем с отцом в миллион раз. Его я до сих пор не смогла простить за то, как он поступил со мной три года назад.

Перед тем, как я ушла из дома, мы с отцом наговорили друг другу кучу гадостей. Обвинили во всех грехах. С того дня отец заблокировал все мои карты и пообещал, что через полгода я приползу к нему на коленях и буду умолять о прощении.

Не приползла.

Я общалась только с мамой. Та пыталась сохранять нейтралитет, не ругала меня, но и отца не осуждала – наоборот просила понять и простить за возможную грубость.

Да уж, грубость. Он упрекнул меня в том, что я легла под первого встречного, тем самым опозорив нашу фамилию – подразумевая под этим первым встречным Богдана. Достаточно ли это грубо для родного отца? Или нет? Даже не знаю,

мне сложно судить, до того дня отец никогда не называл меня «дешевкой».

– Как ты? – спрашивает мама ласково. – Работала сегодня?

– Ага, только возвращаюсь домой, – зеваю в трубку. – Тяжелая смена выдалась.

Про Богдана я ей не расскажу, потому что в ответ получу лишь негатив. Родители ненавидят Мельникова, хотя им-то он ничего не сделал. Их он не бросал, им он не кидал в лицо обидную фразу: «Нас не стоит больше видеться». Не им он говорил весь тот банальный бред про «ты найдешь кого-нибудь лучше» и «мне сейчас не нужны отношения». Всю ту ересь, которую как будто списали с учебников по расставаниям.

– Папа спрашивает, как у тебя с учебкой... – осторожно ступает мама на опасную тропу.

– Всё нормально.

– Это хорошо... не хочешь зайти к нам в гости?

– Не-а. Мам, ты же знаешь. Я пока не готова.

– Папа очень скучает по тебе, места себе не находит, – она не в первый раз пыталась давить мне на жалость. – Он бы очень хотел тебя увидеть. Спрашивал меня о тебе, а мне даже рассказать нечего...

Я выхожу из ресторана и бреду по ночной улице, подсвеченной тусклыми фонарями, думая о том, что хочу лишь завалиться в кровать и не просыпаться до обеда. Даже мысли

про Богдана не дают больше в груди, их заслонило дикое желание спать.

– Думаю, папа как-нибудь справится.

Мама фырчит в трубку, как и всегда. Сопит недовольно, но не спорит – потому что знает, что это бессмысленно. Наоборот, стоит ей вспылить или надавить на мою совесть, как я опять отдалюсь.

– У вас-то всё хорошо? – перевожу разговор.

– Д-да, – запинается мама. – Всё хорошо. Не волнуйся. Заходи к нам, я что-нибудь приготовлю вкусное. Обязательно заглядывай. Папа волнуется.

Мы недолго разговариваем и желаем друг другу спокойной ночи.

А утром я узнаю, что очередной платеж по моей учебе не прошел – его просто отменил отправитель.

Учеба – единственное, что я не оплачиваю сама. Мама категорично заявила ещё в момент моего ухода, что высшее образование нельзя забрасывать, а потому эта статья расходов остается на родителях. Я нехотя, но согласилась. Такую сумму сама бы потянуть не смогла, даже если бы взяла четыре подработки. Отчисляться не хотела. Мне нравился мой факультет. Я не видела себя в отцовском бизнесе, но любила финансы.

Отец не стал скандалить, а взялся молча оплачивать счета по учебе.

Но почему тогда на почте висит письмо о том, что деньги

должны поступить до пятницы – или мой контракт не смогут продлить?

Звоню маме, кусаю губы от волнения.

– Мам, ты что-нибудь знаешь о том, почему папа не оплатил институт? Что-то с деньгами или это банковская ошибка?

Она всхлипывает в трубку, но вопросов не задает. Значит, всё прекрасно понимает. Её мои слова не возмущают, не удивляют. Мама в курсе того, что платеж не прошел.

– Дочь... Саш... папа очень любит тебя, но...

И тут я догадываюсь: он просто передумал платить. Сам. Никакой ошибки быть не может. Мой отец – человек, который соблюдает все сроки и никогда не забывал даже о мелком долге. Разумеется, он не запамятовал. Просто перехотел.

– В смысле?..

– Папа просто хочет помириться.

– Отменяя платеж по моей учебе?

– Он говорит, что ты должна прийти и пообщаться с ним, тогда он заплатит.

– Это шантаж.

– Это попытка помириться. Не спорь, Саш, лучше приезжай к нам, и сразу же получишь деньги. Папа устал, что ты от него бегаешь. Кстати, он сказал родственникам, чтобы они не помогали тебе финансово. Прости, но иначе нельзя.

Я слышу, как мама хлопает носом, надеясь, что я сдамся и соглашусь на отцовские условия. Она выжидает, а мне

нечего ей сказать.

Пойти домой – признать собственную никчемность. Прилюдно сообщить: да, я ничего не добилась и в критический момент бегу под крыло к папочке, чтобы он дал денежек на мои прихоти. Можно сколько угодно пыжиться, изображая самостоятельность, но если я вернусь к отцу – то растеряю остатки гордости. Стоит мне переступить порог дома, как я перестану себя уважать.

Мне срочно нужны деньги. Но я не попрошу их у отца.

Вешаю трубку, попросив маму не перезванивать мне.

Сумма не огромная, но солидная. Знала бы я, что всё так обернется, не стала бы поступать в престижный столичный университет, да ещё и на факультет международных финансов. Но перед первым курсом папа был категоричен:

– Никаких забытых богом ВУЗов. Моей дочери нужен самый лучший, иначе меня партнеры засмеют.

Мне спорить не хотелось. Что я понимала в восемнадцать лет, не заботясь о деньгах, всегда имея их на карточке в неограниченном доступе?

Теперь вот осознаю всю глубину собственного инфантилизма. Почти четыреста тысяч. Неподъемные деньги для обычной студентки. Можно взять в кредит... Только вот мне никто не даст его – потому что официально я не трудоустроена, а работаю по договору подряда. Я пишу Ритке, но у нее таких денег нет. Логично. Откуда бы им взяться?

Больше близких друзей у меня нет, кто мог бы безболез-

ненно дать крупную сумму. Не идти же к богатеньким однокурсникам с мольбой о помощи. Они, конечно, не откажут, бабки у них водятся. Но потом по университету начнут обсуждать и меня, и мою бедность, и даже то, что я готова за крупную купюру на что угодно. Хотя это не так.

Неужели...

Мысль появляется простая и очевидная как никогда.

В моей жизни есть один человек, у которого деньги водятся и который раньше не боялся с ними расставаться.

Правда, сегодня я заявляла этому человеку, что плюну ему в кофе...

Насколько унизительно будет позвонить Богдану?

Или проще отчислиться?

Я не хочу набирать его номер. Мне мучительно больно даже касаться нужных кнопок.

Может быть, правильнее уйти из этого института? Перевестись где-нибудь, где будет проще, без завышенных ценников.

Но внезапно я с тоской понимаю, что хочу доучиться здесь. Можете считать это дуростью, но я ведь отдала несколько лет этому месту, и теперь, перед последним рывком буду уходить непонятно куда? Получается, все отцовские деньги потрачены зря? Я хоть и не собираюсь с ним мириться, но счет финансам вести умею. Несколько миллионов... и всё ради того, чтобы в итоге дочка получила диплом

университета с подъемным ценником?

Придется засунуть свою гордость куда подальше и позволить Богдану...

Когда мы расстались, я часами проматывала старую переписку. Сходила с ума, но перечитывала сообщения, раз за разом, уходя всё сильнее в депрессию. Порывалась написать ему. Без конкретной цели. Или поскандальить. Или спросить, почему он так поступил со мной.

Я читала, читала сообщения и вскоре запомнила их наизусть. Выучила как стихотворение. Могла продолжить с любого места.

Тогда, осознав, что я окончательно лишаюсь рассудка, я удалила и номер телефона Богдана, и все наши переписки. Стало легче, хоть и не сразу. Появилась фантомная боль, как будто я лишилась не номера в справочнике, а руки или ноги. И мне дико, жутко не хватает её.

Но пальцы помнят. Даже сейчас, через три года, они привычно набирают цифры.

– Давай встретимся, – я не дожидаясь приветствия, потому что боюсь даже просто услышать его голос. – В кофейне на Марата, в два часа тебе удобно?

– Да.

Короткий, рваный ответ.

...Это наше место, и я захожу туда с пылающим сердцем. Там, где совсем недавно затянулась рана, опять кровит. Мне тяжело дышать. Словно пробежала марафон и всё никак не

могу восстановить сердцебиение.

Богдан сидит за столиком в углу зала. Тем самым, куда обычно забивались мы вечерами и пили горячий какао – ладно, я пила, а Богдан смотрел, – пытаюсь вдоволь наговориться. Мы могли выбрать любой ресторан, но мне нравилась здешняя выпечка, и я тянула Мельникова сюда, шутя над тем, как элегантно он смотрится среди деревянных столиков и одноразовых стаканчиков кофе.

Я сажусь напротив Богдана, скрещиваю пальцы в замок.

Если честно, мною была подготовлена речь, но слова вылетели из головы. Все. До единого.

– Спасибо, что пришел.

– Тебе спасибо. Возьми себе что-нибудь.

Но меня мутит, и кусок в горло не полезет. Я не представляю, как попросить Богдана о деньгах. Пусть для него это не самая большая сумма, я уверена, он сможет дать мне рассрочку или кредит, но как же не хочется унижаться.

– Я бы никогда не обратилась к тебе, – жую губу, – но... Черт, я не знаю, как начать. Мой отец отменил платеж за учебу. Мне негде взять денег.

Он внимательно слушает, словно не догадывается, куда я клоню. Догадывается, конечно. Богдан Мельников не из тех, кто долго анализирует информацию.

– Я всё верну, – потираю переносицу. – Мне некуда больше идти, мне не дадут кредит, и даже если я продам все вещи, которые у меня есть, то наскребу едва ли половину от

нужной суммы. Оплатить нужно до конца недели, иначе меня отчислят.

– Так почему ты не попросишь денег у отца?

Морщит лоб.

– Я ушла из дома еще три года назад.

Богдан вскидывает брови.

– Почему?

... Когда родители узнали про нас с Мельниковым, они вспыхнули точно спички. Я не ожидала такой бурной реакции, такого искреннего, неподдельного возмущения и даже злости.

– Да как ты могла! – орал отец так, что крик его слышен был на втором этаже. – Как ты могла взять и лечь под первого встречного!

– Он не первый встречный, – спорила я, стиснув зубы. – Он – твой партнер. Он – твой друг, почти сын, – передразнила невесело.

– Он был мне почти сыном, – рычал папа. – А теперь он тот, кто обесчестил мою дочь. Ладно, он. У мужчин всегда зудит в одном месте! Ты-то как посмела так поступить со мной и с матерью?

– А что такого я сделала? Влюбилась?

Мама ходила кругами за папиной спиной, но не вмешивалась. Поправляла занавески в гостиной, стирала невидимую пыль с дивана. В мою сторону она старалась не смотреть.

– Ты поступила как подстилка, – отрезал отец. – Мы

кормили тебя, содержали, выполняли все твои прихоти. Ты не знала ни в чем отказа. Неудивительно, что из тебя выросла...

Я не дослушала. Собрала вещи за час или два, попросила знакомого из университета заехать за мной на машине. Минимум одежды, только самое нужное. Не забрала ни драгоценностей, ни косметики, ни всех тех элитных шмоток, которые скупала раньше тоннами. Ноутбук, правда, взяла с собой – потому что без него не смогла бы учиться.

С мамой мы потом поговорили, она пообещала убедить отца оплачивать мою учебу – и сказала, что ждет, когда я одумаюсь и вернусь.

Но блудная дочь не собиралась возвращаться...

Я не стану объяснять Богдану нюансы. Ни про последний разговор с отцом, ни про то, как тяжело мне далась самостоятельность. Это только кажется, что легко: уехал и живи собственной жизнью. А когда ты стоишь с чемоданом одежды посреди города и не знаешь, куда деваться – становится очень и очень страшно.

Неделю я жила у Риты. Та не ругалась, но я не могла вечно пользоваться ее гостеприимством. Устроилась официанткой и сняла квартиру на самой окраине города, в неблагополучном районе. Зато с минимальным ценником. Поначалу пришлось одалживать у той же самой Риты, потому что мне не хватало на аренду.

Но я всё вернула.

Наверное, нужно сказать Богдану «спасибо». Ведь если бы он не бросил меня, и я бы не поругалась с родителями, то никогда бы не вырвалась из золотой клетки.

– Я совсем не знаю, как ты жила все эти годы, – сказал он с непонятной мне грустью. – Черт. Называй любую сумму, я тебе ее дам.

– В долг, – напоминаю.

– Да, – кивает. – Скажешь реквизиты, переведу ее сразу на счет университета. Прости, если из-за меня у тебя что-то пошло не так.

– Ты хотел сказать «всё», – язвлю. – Впрочем, забей. В моих взаимоотношениях с родителями ты точно не виноват.

Богдан смотрит на меня тяжело, и в этом взгляде словно замерзшие океаны. Сама бездна застыла в его глазах. Как будто ему есть, чем оспорить мои слова, но он физически не может ничего сказать.

– Саш...

– Проехали.

– Я хотел извиниться не только за это. Три года назад я поступил недопустимо. Ты не заслуживала всего того. И недавняя ситуация... я не знаю, что на меня нашло. Это была ошибка.

Он качает головой, а мне хочется рассмеяться. Истерично так, болезненно, абсолютно неадекватно. Потому что я не верю, что за три года заслужила пять клишированных фраз.

– И это всё?.. – пытаюсь держать лицо. – Я тебя прощаю.

Считай, что мы квиты. Ты помогаешь мне с учебой, а я не держу на тебя зла за прошлые обиды.

Покачивает головой, но как-то отрешенно, будто даже не слышит, что я ему отвечаю.

– Я обязательно верну тебе деньги в ближайшее время, – обещаю перед тем, как уйти.

– Ты и сама знаешь, что я не буду их ждать.

Мы прощаемся, расходимся по разным сторонам дороги. Богдан предлагает довезти меня до дома, но я не хочу, чтобы он знал, где я живу. Не хочу садиться к нему в машину. Мне горько от близости с ним, будто я насквозь пропитываюсь ядом. Смертельным. Болезненным. От которого скручивает сухожилия.

Остатки прошлой дозы яда до сих пор во мне.

И я не готова мучиться от передозировки вновь.

Глава 3

Чем он занимался все эти годы? Вроде бы продал свою долю в отцовском бизнесе и куда-то уехал. Мне почему-то казалось, что в Европу. Но я не особо интересовалась. До недавнего времени старалась выветрить любое напоминание о Богдане. Понимала, что иначе надолго останусь в прошлом. Не смогу двигаться вперед.

Но я благодарна ему за помощь. Мог бы и отказать. Кто он мне такой, чтобы помогать финансами?

Но платеж поступает на счет вовремя, о чем от университета приходит письмо, и я выдыхаю с облегчением. Не обманул.

«Спасибо», – пишу коротко, исключительно из вежливости.

«Обращайся».

Ну да, обязательно. Ведь так и поступают люди: бегают по каждому поводу к бывшим, с которыми расстались не самым приятным образом. Я понимаю, что его ответ не больше, чем вежливость. Но почему-то его так и тянет перечитывать.

Ужасно.

Я до сих пор заиклена на мужчине, бросившем меня три года назад.

...Помню тот день, будто вчера. Мы встречаемся на набережной. Куда-то бредем, медленно, вяло. Бесцельно. Пла-

нировали зайти на выставку современного искусства, но понимаю: не пойдём туда. Богдан как-то заторможен. Знаете, как будто выпил горсть обезболивающих таблеток, а потому с трудом фокусируется на предметах. Он молчит, слушает меня вполуха. Думает о чём-то.

– Всё нормально?

Я никогда ещё не видела его таким. На себя непохожим. Пугающе отстранённым.

– Да. То есть нет, – мотает головой и тут же продолжает: – Саша, нам надо прекратить общение.

Я даже не сразу вникаю в смысл слов. Они какие-то неправильные и глупые, просто не могут быть реально-стью.

– Чего? – обращаюсь на него.

Богдан останавливается. Резко застывает на месте, заставляя и меня встать.

– Нам не стоит больше видеться. Всё это неправильно. Я противен самому себе. А ты... ты заслуживаешь кого-то лучше. Другого мужчину, который будет тебя любить.

Он произносит это монотонно, глухо. Наверное, именно так и расстаются с девушками. Безо всяких эмоций. Но меня начинает трясти. Хочется прочистить уши, потому что мне абсолютно точно слышится. Он не может так говорить.

Он... он...

Он не может так со мной поступить!

Губы начинают сохнуть, и я закусываю нижнюю так сильно, что она трескается. Солоноватый вкус крови немного отрезвляет.

– Мне не нужен никто другой, – я хмурю брови. – У нас же всё нормально было.

– Ничего не было нормально, – режет словно ножом. – Прости, но я так больше не могу.

Что мне оставалось делать? Только принять тот факт, что мной воспользовались и бросили без объяснения причин.

Я чувствовала себя преданной. Этот неловкий разговор, после которого Богдан хотел отвезти меня домой, но я не позволила – весь он был пропитан несправедливостью. Неужели я заслужила такого отношения? За то, что всегда вела себя правильно, не капризничала, не скандалила, соглашалась на редкие встречи?

Даже теперь меня режет на части, хотя столько времени прошло, и нас больше ничего не связывает. Кроме моего долга, конечно. Осталось придумать, где взять деньги и как ему их вернуть.

Я вновь смотрю страницу Лизы. Не могу ничего с собой поделаться. Живу в чужой жизни, ловлю крошечные детали, всматриваюсь в них, пытаюсь найти присутствие Богдана. Вижу знакомый интерьер – может, это его квартира? Или просто известная скандинавская мебельная классика, которой обставлены миллионы домов во всех странах мира?

Она обедает в ресторане. А он – с ней? Или нет?

Она гуляет по парку. Он – рядом?

Незримое присутствие Мельникова ощущалось в каждой фотоснимке. Я сама додумывала его рядом с Лизой. Дорисовывала его образ, фигуру, взгляд.

«Мы знакомы?» – вдруг мигает уведомление о новом сообщении.

Лиза. Она пишет мне. Вот так запросто. Хотя, наверное, у девушек типа Лизы всё именно так и происходит. Они не стесняются, и не переживают о чужом мнении. Просто делают то, что им хочется.

Черт.

Видимо, я где-то наследила, например, случайно ткнула на кнопку «мне нравится», и Лизавете пришло: «Какой-то Александре понравилось ваше фото». А ещё эта Александра подглядывает за вами который день подряд. Потому что у Александры нет личной жизни, и она решила приобщиться к вашей и вашего парня.

Как же мне объясниться... Сказать, что просто нашла страницу? Что мы вместе учились или встречались в фитнес-зале?

Я чувствую себя обманщицей. Влезла в чужую жизнь, наследила там, а теперь пытаюсь незаметно убраться.

«Нет, мы не знакомы. Но мне очень нравятся твои фото», – отвечаю, надеясь, что это не выглядит слишком уж тупо.

Но, кажется, Лизе льстит чужое внимание. Она никак не

реагирует на мои слова, даже не пишет: «Спасибо». Просто принимает их как данность. А моё сердце заполошно колотится в груди.

Мне кажется, весь мир сейчас шепчет: «Она спала с твоим женихом... она спала с твоим женихом и сейчас врет, что не знает тебя».

Мама звонит тем же вечером, причем три раза подряд. Подсознательно мне не хочется отвечать. Кажется, что ничем хорошим это не закончится. Мы не общаемся так часто, чтобы созваниваться ежедневно. Я ведь неспроста отделилась от родителей и долго выстраивала личные границы.

Сначала было сложно. Мама трезвонила ежедневно и по несколько раз, рыдала в трубку, умоляла вернуться. Папа не звонил и не писал. Я просто перестала для него существовать. А вот мама никак не могла смириться с тем, что единственная дочь ушла.

«Я приготовила твою любимую паэлью», – писала она и присылала фото этой самой паэльки, как будто я могла побегать ради нее домой.

«С отцом смотрим фильм. Тебя не хватает», – вздыхала вечерами.

Но потом мама перестала донимать. Наоборот, услышала мои просьбы и стала максимально корректна во всех отношениях. Потому что всякий раз, как она напирала, я отдалялась. Её манипуляции работали противоположно тому, что

она планировала. Муки совести я не испытывала и не спешила общаться чаще, напротив, шагала назад, избегала, отговаривалась отсутствием времени.

Поэтому чутье меня не подводит – неспроста она звонит сегодня.

– Кто оплатил твоё обучение? – мама спрашивает таким голосом, будто я украла куклу у соседской девочки, и теперь меня будут отчитывать.

– Какая разница? – в груди становится тесно, но я изображаю равнодушие. – Друзья помогли.

– Тебе проще влезть в долги, только бы не мириться с родным папой?

Упрек такой явный, что им можно обмотать шею как шарфом. И придушить себя им же.

– Встречный вопрос: вы следили за оплатой моей учебы, только бы я помирилась с отцом?

Мама возмущенно фыркает.

– Кто виноват, что ты других методов воздействия попросту не понимаешь?

А, значит, это была показательная порка. В духе: будешь себя плохо вести – последний пряник заменю кнутом. Только вот я, коза такая, не только не прониклась отцовским замыслом, но ещё и деньги нашла на стороне. Надо было сказать, что мне их дал Мельников Богдан. Чисто из вредности. Я-то знаю, что их отношения с отцом резко испортились, и отныне его имя в нашем доме под строгим запретом.

А ещё было бы неплохо в дальнейшем вернуть вообще все траты за учебу. Я понимаю, что это скорее фантазия, этаким максимализм, потому что зарабатывать нужную сумму я буду годами. Но мысль крепнет, становится реальной и помогает мне держать себя в руках.

– Мам, мне некогда, позже пообщаемся.

Я вешаю трубку и выключаю телефон, потому что внутри клокочет, и больше всего мне хочется поругаться, накричать, назвать родителей манипуляторами, которые сначала дают обещание – «учебы тебя никто не лишит», – а потом сами же его нарушают. Потому что им можно. Потому что я должна хотя бы через три года вернуться в семейное гнездо.

Но я сдерживаюсь. Не потому что вся такая сильная и способная противостоять родителям – а потому что у меня нет сил открыто идти против них.

Как так вышло, что единственным человеком, к которому можно обратиться за помощью, оказался мой бывший мужчина? Бросивший меня.

Впрочем, если отбросить эмоции, то наши отношения заранее были обречены на провал. Мы оба это понимали. Дело даже не в том, что нас разделяла разница в возрасте. Все наши встречи были какими-то ненастоящими, как будто сворованными у судьбы.

Сейчас, вспоминая их, проматывая в памяти как киноплёнку, я понимаю, что там не пахло ни любовью, ни влюбленностью. Мы *просто* встречались. *Просто* общались. *Про-*

сто переписывались ночами. *Просто* спали друг с другом и порознь.

Нас сгубила эта простота.

Мы оказались двумя разными людьми, которых ничего не связывало. Я надумала за нас обоих, обустроила иллюзорный мир, который рухнул в одночасье. И оплакивать его осталась тоже я одна. Наверное, потому что у меня никогда никого не было по-настоящему близкого. Поэтому я намертво вцепилась в первого мужчину, даже не спрашивая его разрешения.

Раньше я особо не задумывалась над тем, что у меня совсем никого нет. Не считая Риты, ни единого близкого человека. Родители только, да и то, с огромной оговоркой. Три года назад было много знакомых, кого я считала друзьями, но когда тусовкам и клубам я предпочла работу в ресторане, они откололись. Кто-то до сих пор смотрит на меня сочувственно, другие просто перестали звать с собой, а третьи не скрывают неприязни. Потому что я в их глазах превратилась в обслуживающий персонал. Этакая Золушка наоборот: из кареты в тыкву.

Теперь я оглядываю полупустую съемную квартиру, совсем не обжитую, думая о том, что мой мир состоит из неё и ресторанной формы. Потому-то мне так важна учеба – кроме нее, ничего не осталось. Моя единственная надежда на лучшее будущее, в котором я буду кому-то нужна и чего-то достигну.

Пока же у меня нет никого и ничего. Круглый ноль.

Я включаю телефон нескоро, ближе к полуночи, когда мама уж точно не станет ломиться в моё одиночество. Долго верчу мобильный на столе кончиком указательного пальца, смотрю на темный экран. Мне почти никто не пишет и не звонит. Я сознательно выстраивала вокруг себя бетонную стену, три года ни с кем особо не сближалась, даже не знаю, когда у Дины день рождения. А ведь она моя напарница, мы с ней столько смен отпахали бок о бок.

Его номер не записан в телефонную книжку, но наша короткая переписка – вверху. Мозолит глаза. Притягивает к себе внимание. Интересно, он уже спит или полуночничает? Лиза с ним рядом? Чем он занят сейчас, человек из моего прошлого?

«Можно вопрос?» – пишу и отправляю так быстро, пока не передумала, не струсилa, не сдалась.

Ночью всегда легче спрашивать о чем-то личном. То, что днем открывать болезненно и стыдно, с наступлением темноты само ползет наружу.

«Да».

«Почему ты меня бросил?»

Он мог бы опять ответить про то, что я заслуживала кого-то лучше, что мы были слишком разные и что всё это изначально – одна сплошная ошибка. Наверное, я даже ждала такого сообщения, потому что оно напомнило бы мне о той боли, которая стала моей частью и которая помогает мне

двигаться дальше.

Но Богдан отвечает иначе.

«Потому что не хотел тебя любить».

Замечательный ответ. Образец того, как заставить человека сжаться, как причинить ему боль словами.

Не хотел любить...

Зачем тогда начинал всё это? Зачем обнимал в клубе, зачем встречался втайне от моих родителей?

Не хотел любить...

Как будто его кто-то заставлял.

Я не пытаюсь назойливо узнать детали, не задаю наводящих вопросов. Только сильнее корю себя за лишнее любопытство, которое заставило старые ссадины вновь ныть. Надо чем-то заняться, хотя бы смен набрать в ресторане дополнительных, чтобы вечерами валиться с ног от усталости, а не с бывшим переписываться.

Кстати, не самая плохая идея. Заодно и с долгом потихоньку рассчитаюсь.

Вскоре я погружаюсь в однотипные будни, состоящие из рабочих смен, сбитых ног и отваливающейся к вечеру пояснице. В перерывах отвлекаюсь на учебу, и мир превращается в сплошные формулы, запахи блюд, от которых уже тошнит, в усталость и опустошенность.

Мама периодически звонит, но как только разговор переходит на учебу или отца – я вешаю трубку. Она злится, называет меня упрямой ослицей. Мы словно опять вернулись в

стадию налаживания отношений после моего ухода из дома.

– Ты скоро замертво упадешь, – в один из редких дней, не занятых ничем, я встречаюсь с Ритой.

Мы гуляем по парку, подруга везет перед собой коляску, в которой сладко спит её сын. Она периодически поправляет его шапочку, одеяльце, проверяет, не замерз ли он или не вспотел. Я наблюдаю за этим с отрешением.

– Да ну, перестань. Я в порядке.

– Опять думаешь о нем?

Имя Богдана Рита сознательно не называет. Она смотрит на меня прямо, и под этим строгим, почти материнским взором, я тушуюсь. Сложно убеждать, будто у меня всё замечательно, когда один только вопрос заставляет напрячься.

– Да... то есть, нет. Я думаю о том, как поскорее вернуть ему долг.

– Слушай, я уже говорила и еще повторю: этот человек задолжал тебе куда больше, чем оплата учебы.

Мы уже обсуждали с ней эту ситуацию, и подруга уже тогда была категорична. Она даже слышать не хотела про то, что долг нужно отдать. По ее мнению, это компенсация морального ущерба за все поступки Мельникова.

– Я не люблю ходить в должниках.

– Саш, ты слишком самостоятельная, – Ритка кривится, вновь поправляет козырек на коляске. – Это тебя и погубит. У тебя постоянно «я сделаю сама», «я не хочу навязываться», «я не люблю быть должна». Почему ты не можешь хоть

раз расслабиться? Он добровольно дал тебе денег и намекнул, что не ждет возврата? Ну и всё, взяла и забыла.

– Речь идет не о десяти тысячах.

– Он тебе должен гораздо больше, – повторяет она, сжав зубы.

Любое напоминание о Богдане неминуемо приводит подругу в бешенство. Мне кажется, если бы они случайно встретились – она бы ему не только в суп плюнула. Я благодарна Рите за то, что она на моей стороне в любой ситуации. Но не считаю, будто Богдан задолжал мне хотя бы ржавую монету.

Потому лишь качаю головой.

– Иногда мне хочется найти, где он работает, купить какую-нибудь тяжеленную кувалду и разукрасить ему морду так, чтоб родители не узнали, – словно угадывает мои мысли подруга.

Её голос тяжелый, злой, но я понимаю, что это всё напускное. Конечно же, Ритка не пойдет избивать Богдана, да и с её ростом «метр с кепкой» она вряд ли сумеет поднять даже молоток для отбивания мяса. Её просто трясет от возмущения, не более того.

– Я не очень хочу навещать тебя в тюрьме, так что держи себя в руках.

– Угу. Слушай, а что его баба? – подруга съезжает на узкую дорожку, и коляска трясется на ней так сильно, что я опасаясь: как бы Максимка не проснулся. Нет, он спит так

крепко, что его даже ураган не способен разбудить.

– В смысле?

– Ну, ты ещё смотришь её страничку?

Я покрываюсь густой краской. Мне стыдно за эту слабость. Но любопытство сильнее, и изредка я осторожно, под фальшивым именем, захожу и наблюдаю за тем, чем она дышит. В этом нет ничего, чем можно гордиться – но я до сих пор сравниваю нас, примеряю ее жизнь на себя. Должно же в моем скучном, сером существовании быть хоть что-то яркое. К сожалению, этим разноцветным пятном оказывается жизнь Лизы.

– Иногда...

– Покажи мне. Дай хоть посмотрю, что за курицы клюют на таких червей.

– Ри-и-ит...

– Да всё-всё, обойдусь без оскорблений, – она примирительно поднимает обе руки.

Я достаю телефон, Ритка листает профиль, медленно рассматривает фотоснимки Лизы, иногда качает головой или кривит уголок рта. Она определенно скажет сейчас какую-нибудь гадость про вкус моего бывшего, но я не позволю, предостерегающе покачав головой. Мне не хочется, чтобы Лизу оскорбляли просто из-за того, что она связалась с Богданом.

В этом нет ничьей вины.

Мне бы хотелось, чтобы она была счастлива и никогда не

узнала, что её парень целует кого-то в туалетной кабинке.

– О-о-о. Слушай, а это что такое? Видела? – Рита показывает мне фотографию.

Вчерашняя дата. Снимок свежий. Я всё-таки не настолько отчаялась, чтобы следить за девушкой Богдана ежедневно. На фото нет её лица, лишь правая рука, небрежно лежащая на руле иномарки. Дорогой маникюр, нежно-розовые ногти. И тоненькое колечко с неприлично крупным камнем, которое сверкает на безымянном пальце.

Под фотографией всего три слова.

«Я ответила «ДА».

Почему-то мне становится тяжело дышать. Воспоминания, непрошенные, убранные в самые глубокие закрома памяти, рвутся наружу. Я смаргиваю, но рука с кольцом никуда не исчезает. Перед глазами мутнеет, а в ушах звучит равнодушный голос Богдана.

– *Мы решили пожениться...*

...Мы расстались почти два месяца назад, и меньше всего я рассчитывала вновь увидеть Мельникова в нашем доме. Думала, что ему хватит такта больше не появляться у нас, а с отцом общаться на нейтральной территории.

Я ошибалась.

Он приходит к нам в субботний вечер, хоть и осенний, но такой душный, что спасает только кондиционер. За его спиной топчется девушка модельной внешности. У нее длин-

ные, идеально выпрямленные волосы пшеничного цвета и длинные ноги, не скрытые коротким платьем. Это всё, что я запоминаю. Волосы и ноги. Даже черты лица смываются в цветное пятно.

Она протягивает маме бутылку вина и поясняет что-то про особый сорт винограда и сладковатые нотки во вкусе. Мама с благодарностью принимает подарок. Они обсуждают погоду, как закадычные подружки смеются над тем, что впору раздеваться догола и идти загорать.

Её зовут Полина, она много улыбается, пока переобувается из босоножек в домашние тапочки. Постоянно обращается к Богдану, трогает его за ладонь. Они прекрасно смотрятся вместе. Я не запоминаю, о чем он говорит ей или как на нее смотрит – память услужливо помогает мне забыть хотя бы эти детали.

Оказывается, мои родители устроили званый ужин специально для него. Точнее – он сам предложил познакомить их со своей избранницей.

А я стою на лестнице, ведущей на второй этаж, и мне хочется провалиться сквозь землю. Желудок перекручивает узлом от мысли, что сейчас мы будем вынуждены сесть за один стол. Смотреть друг на друга. Общаться.

Первая мысль очень детская, но она прорывается наружу: как он мог так поступить со мной?..

Это настоящее предательство. Мало было просто бросить меня. Он решил добить этим своим визитом. Пока-

затъ новую девушку. Продемонстрировать её во всей красе и для совсем тупых объяснить: «Ты мне больше не нужна».

Но потом я одергиваю себя, напоминая, что мы вроде как расстались, а Мельников вроде как дружит с моим папой, и было бы странно, исчезни он из нашего дома насовсем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.